

ДЕНИС ДУБЕЕВ

Мемуары Барьериста

МОГЛИ

БЕРЕЧЬ

● ЕС колеса
на склад

РАН

Денис Дубеев

Мемуары Барьериста

«Издательские решения»

Дубеев Д.

Мемуары Барьериста / Д. Дубеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934637-7

Книга Дениса Дубеева своим появлением продолжает и развивает тему индивидуума и общества. В ней достоверно и с необходимой долей юмора показан процесс становления личности с юности до зрелых лет и ее взаимоотношения с обществом в период расцвета и упадка СССР. Книга может привлечь всех, кого интересует состояние советского общества, умонастроения в нем. Она также может служить яркой иллюстрацией к истории российской интеллигенции в целом.

ISBN 978-5-44-934637-7

© Дубеев Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Культ	7
Глава 2. Весьма приятное село и антимедицина	9
Глава 3. Библиофаг	11
Глава 4. Мечтатель и реалист	13
Глава 5. Мистика и материализм	15
Глава 6. В шестом классе сельской школы	18
Глава 7. Юный техник	21
Глава 8. Те же и НВП	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мемуары Барьериста

Денис Дубеев

© Денис Дубеев, 2020

ISBN 978-5-4493-4637-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Данное сочинение представляет собою краткий очерк автобиографии Дениса Дубеева, уже известного читателю по серии «ДД в НИИГОГО». В отличие от той серии, несколько самоироничной, как и некоторые другие рассказы этого автора, данная серия серьезна и достоверна настолько, насколько достоверным может быть связный пересказ сна. Я отношусь к числу тех людей, которые с удовольствием читают мемуарную литературу с целью лучше понять человечество прошлых эпох и через это лучше понять современность и, предположительно, будущие времена. Полезность такого чтения признают любители чтения не все. Некоторые предпочитают искусно составленный детектив. Мне тоже попадались порой детективы, интересные с точки зрения описания характеров и обстоятельств, но в данном случае мы имели намерение *написать* мемуар.

Серьезным препятствием для этого послужила осторожность, как связанная с замкнутым характером автора, так и с тем, что как ни старался автор писать о себе, все равно произведение его мизантропии на эгоцентризм приводит к тому, что пишет он преимущественно о людях, с которыми вместе шел жизненным путем, хотя и был во многом не согласен с ними в оценке этого пути. О людях же следует писать с очень большой осторожностью – ведь никогда не знаешь, на что обидится тот или иной загадочный человек. Поэтому в данном очерке почти нет действительных имен, да и вымышленных не густо, но обстоятельства даны откровенно, правда, порою шутя.

Предполагается дальнейшая серьезная работа, со сверкой документов, фотографий, событий, дат. Предполагаются разножанровые серии мемуаров, связанные друг с другом общей судьбой лирического героя и дополняющие друг друга до максимально полной картины жизни в моих глазах, ушах и прочих органах чувств. Необходимы будут также серии, содержанием которых станет жизнь моих родителей и вообще поколения, предшествовавшего моему. Материалов для этого мало – но память все-таки есть. В последних же выверенных вариантах очень обдуманно появятся точные имена.

Спрашивается, а зачем это надо. А вот зачем. Возможно, я буду интересен своим потомкам так же, как интересны теперь мои предки мне. Дедушка с бабушкой оставили нам записки, почему не оставить записки и мне. Далее, очевиден вопрос, почему же вместилищем этого моего субъективизма стала всеобщая Проза.ру вместо личных каракуль в шкафу? Ведь никому не интересно чьи-то пустые мемуары читать. Отвечу – кому не интересно, пусть не читает, я не обижусь на них. Половина, если не больше, авторов на нашем портале пишет о наболевшем, о своем, лишь немного затушевывая, залитературивая свой автопортрет. Именно этим как раз интересен портал. Ну а я откровенно даю – ммемуаррр!!! Однако возможно и такое: литературная хитрость это, а вовсе не мемуары реального лица. Почему бы и нет?

Выражаю искреннюю признательность и благодарность историкам и частным лицам, интерес которых к скромному наследию моих предков в истории российской цивилизации в значительной степени способствовал моему намерению если и не осуществить, то, по крайней мере, начать этот личный проект. Разумеется, их имена также будут названы после того, как этот проект примет более или менее законченный вид.

Глава 1. Культ

Я – нелюдим. Сложилось это давно, а начиналось это в далеком детстве в форме какого-то неясного, смутного недоверия к поведению взрослых людей. Самые ранние проявления этого чувства описать очень трудно, так что отнюдь не самое раннее я для начала возьму.

Начнем с марта 1953-го года. Погода стоит у нас в Кузнецке все еще морозная по типу мягкой зимы. Лежит еще сугробами чистый, чуть синеватый снег. Как раз в те дни мне отмечается 8 лет, и я далеко еще не дорос до понимания происходящего вокруг. А вокруг происходит величественный, торжественный, траурный, патетический, исторический миг. Красный кумач, обшитый по краю черными лентами, виден на улицах везде. По радио, то есть повсюду и на улицах, и в домах – звучат мелодии торжественной печали, или же речи, речи, речи, смысла которых мне не понять. Вот перед нами снежный плац знакомого школьного двора. Строгими, ровными рядами, точным четырехугольником, фронтом построения (то есть лицами) внутрь замер весь школьный личный состав. Великая, страшная, немыслимая война закончилась совсем недавно (не такая была ведь война, чтобы за восемь всего-то лет стало народу «давно») и расхлябанность мирного времени все еще остается нашим школам чужда, никто и не чаял еще, что может иначе быть. Построение есть построение, и действительно школьники своими рядами ровно окаменевши поклассно стоят. В то время также и близко не было нынешнего материального достатка, нынешнего приятного разнообразия фасонов и цветов, да и школа «мужская» была. Черный замерший строй, равнение на середину – на временную трибуну в одной из широких сторон построения, где траурный красно-черный кумач. «Старшие товарищи» с трибуны что-то еще говорят. Какому-то мальчику в рядах стало плохо, в обморок он упал. Ему помогли стоявшие рядом, строй же в целом недвижно стоял. Я не помню, видел ли падение этого школьника сам, или же разыграл его в воображении на основании услышанных рассказов – тем не менее определенно помню, что разговоры среди старших об этом происшествии были, и взрослые объясняли обморок подростка не столько холодом, сколько силой затмивших мальчика чувств. Я был тогда в первом классе, участвовал ли я в построении лично – не помню, но черный просторный прямоугольник на белом затоптанном плацу, между светлым зданием школы и пришкольным заснеженным юннатским участком, окруженный валами убранного снега по сторонам – в моей зрительной памяти всю жизнь как заледенелый стоит, вот только не помню я точно, была ли трибуна или нет. Была она, кажется, от меня где-то слева и сбоку, я на нее не смотрел. Умер товарищ Сталин – и вся огромная страна величественно, искренне скорбит.

Однако были и другие мотивы в тех траурных днях. В те времена на улочках рубленых, с наличниками и подзорами, на улочках одноэтажных деревянных домов владельцы частных домовладений обязаны были иметь красные флаги и в праздники оными флагами свои домики с подворьями украшать. Сказать по совести, я слишком мал был для того, чтобы исследовать юридическую сторону этого обстоятельства в жизни местных людей – были ли частники-домовладельцы «обязаны» это делать юридически официально согласно каким-либо конкретным биллям государства на этот счет, или же делали это по доброй воле по принципу «кашу маслом не испортишь» в безжалостной тоталитарной стране – но как бы то ни было, на нашей улочке флагов было полно, и все по случаю траура обшитые черной каймой. А жили же мы тогда, как помнится, у доброй-предоброй старушки «бабы Дуки», снимали что-то вроде полдома у нее, и она очень-очень тепло всегда относилась к нам. Так вот сидит недовольная баба Дука на кухне, обшивает черной лентой флаг и сквозь зубы ворчит что-то насчет того, что «эти, мол, помирать себе будут, а нам доуки мало – еще и обшивай...». Мама слушает между делом какую-то по радио речь и вполголоса, задумчиво, с тенью легкого неуважения к льющейся из динамика речи, как бы рассеянно говорит: «Ну, эти новые... не скоро-то они воспи-

тают весь народ под себя...» Настроения подобного рода производили во мне ощущение – нет, нет, еще не фальши, но смутной раздвоенности уже, достаточной для того, чтобы я траурный флаг бабы Дуки в один контекст с тем подростком включил.

Прошло какое-то время. Мне кажется – очень немного, по историческим справкам – года так три. Во всяком случае, в феврале 1956-го года я оставался еще в младшей школе, четвертый класс – по возрасту от политики далеко. Грянуло «разоблачение культа личности Сталина», повсюду только и слышно было: культ, культ, культ... В те времена в жилищах интеллигенции были весьма желательны портреты «великих вождей». Опять же, как и в случае с красными флагами на маленьких улочках городка, я не знаю официальный статус этого факта, но помню, однако, что у нас, на съемной половине маленькой сельской хатки, на простой беленой стене были два простых черно-белых бумажных портрета формата, возможно, чуть больше, чем А4, или вроде того. Рамок не было, держались они на кнопках или как-то иначе еще – память не сохранила технических тонкостей на этот счет. Это были, естественно, портреты Ленина (слева) и Сталина (справа) если из комнаты на них посмотреть. Я часто смотрел на них.

Но вот, надо так полагать, что пришло указание: портреты Сталина – снять. Снимали портреты повсюду, мама сняла и у нас. На стене остался темный прямоугольник, как остается на стенках от снятых картинок всегда, если долго при солнце висят.

Как известно, XX-й съезд КПСС с антисталинской речью Хрущева на нем состоялся 1956-ом году в феврале, то есть полной зимой. Несомненно, портреты снимались несколько погодя, да и мне вдруг случилось прозрение, чай, не того же самого дня. Помнится, была весна, я смотрел вроде бы из палисадника (?) сквозь открытое низенькое окошко в дом, размышляя о том, отчего это при взгляде снаружи в комнате кажется темно, видел в этом полумраке стенку с одиноким Лениным на ней, скучающим без верного Ленинца своего – и вдруг острое, неведомое ранее чувство насквозь охватило меня: наступит время, и про Ленина тоже радио будет гадости какие-нибудь говорить (не обязательно именно такие, придумают что-нибудь еще) и портрет «любимого дедушки Ленина» тоже придется снимать... Вообще-то моя жизнь в то время была другими впечатлениями богата, особо-то политика не интересовала меня, и это неожиданное ощущение запомнилось мне поначалу просто в ряду других, и лишь впоследствии, размышляя о судьбах страны, я всегда возвращался к нему. Острота культа личности Сталина не кончилась этим событием для меня, я сохранил к этой сложной проблеме в истории нашей страны не только образовательный интерес, и доверия к тогдашним настроениям взрослых это не добавляло ничуть.

Глава 2. Весьма приятное село и антимедицина

Одно из противоречий моего раннего воспитания в районном городке Кузнецке заключалось в том, с одной стороны, мне категорически запрещалось без разрешения взрослых уходить одному со двора, но, с другой стороны, мама последовательно и очень толково приучала меня к правильным действиям в городе одному; иной раз давала мне поручения, ради которых, руководствуясь нарисованной ею схемой, нужно было пройти ряд поворотов и улиц, выполнить поручение и вернуться домой. Так что в возрасте 6—7 лет я с пониманием относился и к территориальной ограниченности повседневной домашней игры, и на улицах в городе тоже уверенным был. Порою случалось и в «самоволку» уйти, заигравшись, не без того, а уж соседние дворы да и крыши сараев облазил я будь здоров

В то же время от ранних лет манил меня горизонт вдалеке и любил я рассматривать как всякие штуки вблизи, так и далекое, недостижимое небо вверху. Прекрасно помнится мне, как однажды лежал я на весенней, сырой и прохладной тесовой крыше сарая, смотрел снизу вверх на чуть желтеющий месяц в уже вечереющем небе (первая четверть лунного счета фаз подходила уже ко второй) и размышлял я о том, что же такое могут значить слова в одном из прочитанных незадолго до этого стихотворений, что там, на Луне, «холодно даже Реомюру»; и на звездное небо, и на облака очень любил я смотреть. Таким порядком жизнь в Кузнецке подготовила меня к той деревенской вольнице, в которой я оказался при переезде в село в возрасте 9-ти как будто бы лет.

В южно-курском селении Больше-Солдатское (теперь в интернете «Большое Солдатское») обстановка была другая – бегай, играй где хочю. Колхозники на неторопливо едущих телегах охотно позволяли ребятишкам запрыгивать на ходу на телеги и ехать для удовольствия покататься на них. И в других отношениях нравы были просты. По своему обыкновению мама снимала парадную половинку более просторной «хаты» у старушки одной – это была горница метров, я думаю, не более 10~12-ти с гаком (это местный жаргон) при ней крохотные кухонька и спальня, а помещения, оставшиеся для хозяйки, были поменьше еще. И вот это «огромное» здание было побелено снаружи по стенобитной глине в белый цвет, стояло под соломенной крышей, и были в нем «земляные», то есть глиняные, регулярно смазываемые свежим, разведенным в воде, коровьим (лучше конским) навозом полы. Так жили колхозники все, разве что многие хатки были поменьше еще. Тесовых крыш я там не видал вообще, ибо при дефиците леса и обилии соломы тратить доски на крышу было бы безумием там, а железные крыши и деревянные полы были только у местной «элиты», если по-настоящему сказать. В «элиту» мы в том селении за все время пребывания в нем не вошли. Для этого нужно было много чего иметь поверх нервной, неровной ссыльной судьбы, и мы не стремились к тому. Вот тетя Лена сумела устроиться в ссылке, ей повезло, а мама моя не смогла. Тут, по правде сказать, еще и везение нужно, сложная штука ведь жизнь.

Продолжим о нравах в селе. Лето в разгаре, мама куда-то ушла, мы со старушкой одни. Кто-то ломится в дом беспощадно, сотрясает входную дверь, орет и грозит убить. Старушка перепугана аж до жути, ее лицо побелело буквально как мел – и это не метафора, именно как белая мелом стена. Я никогда не видел ранее такого белого лица и удивился тому, насколько точным может быть сравнение в книгах «побледневший как мел». И она вся трясется и просит меня, еле выговаривая слова, сбегать за помощью, за людьми. Глядя на нее, и мне стало стрёмно, однако. Вылезаю я через маленькое окно в палисадник на улицу, злодей за углом и забором-плетнем не увидел меня. Нормальный местный ребенок помчался бы за помощью к соседям, но я – городской интеллигент, я в милицию устремился стремглав, благо недалеко.

В милиции дежурный, сучая, слушает мой сбивчивый рассказ.

– Петренко!

- Ась?
- Сходи погляди, чё там такое...
- Щас побачу.

И Петренко в тогдашней темно-синей милицейской форме лениво плетется за мной по летней жаре.

На крылечке нашего дома сидит в дымину пьяный молодой мужик. Выломать дверь ему не удалось, он оставил эту затею, сидит пригорюнившись, и мучает его только один вопрос: – «Иде я?». Оказывается, он было решил посчитаться с соперником по сердечным делам, но перепутал улицу и двор. Теперь вот не знает, куда же его занесло... Дальнейшая судьба этого парня мне неизвестна, предполагаю, Петренко его отпустил. А старушка от своего перепуга отходила с трудом.

Конечно, и на Солнце есть пятна, и Пушкин в лицее тоже неуды получал. Были и более темные стороны жизни в Солдатском, но разве Сервантес закончил бы когда-нибудь своего Дон-Кихота Ламанчского, если бы о всех-всех-всех темных сторонах человеческой жизни писал? Ограничимся этим и мы.

Первые годы мой жизни – 1945 и 1946 просто голодными были, и это отразилось на мне. Официально считалось, что здоровьем я слаб, и врачи рекомендовали ограничить подвижность, освобождали от физкультуры и проч. А то, что этот «ослабленный» ребенок как медвежонок лазуч и любит подальше гулять – то это обстоятельство, будучи по тогдашним «материалистическим» представлениям «ненаучным», не входило в «научный» расчет. Мама же верила заключениям врачей абсолютно, например, не разрешала купаться в реке и в пруду, как это делали детки там все – ведь ВРАЧИ не велят! Когда же впоследствии я стал уже почти взрослым человеком, то медицина на основании новейших по тогдашнему новому времени аргументов признала свои бывшие ошибки и стала советовать как раз подвижность детям с диагнозом таким, как у меня. Для мамы это было потрясением и крушением веры в абсолютную истинность Просвещения, Науки, Медицины, а пишущий эти строки к тому времени уже настолько привык к своему почти врожденному недоверию миру «взрослых» людей, что только плечами пожал, узнав о том, что медицина по неведению своему помогала последствиям тяжелых голодных лет и далее ослаблять организм. Ошибка в науке исправлена самой этой наукой, а это уже хорошо. В те же прелестные годы в прогретом летнем южнорусском селе я уходил подальше в заросли поймы реки и плескался там в бочагах, чтоб никто не заметил и мама узнать не могла. Да я и не так чтобы специально так делал – но если вода на пути, не возвращаться ж назад.

Глава 3. Библиофаг

В каком возрасте я научился читать, точно сказать не могу. Скорее всего, меня, по правилам тех лет, до школы-то читать и не учили. Было мнение, что если ребенок научится до школы читать, то в первом классе ему будет скучно, он привыкнет смотреть на свое окружение свысока и на уроках шалить, а когда весь класс догонит его в ученье и дальше привычным размеренным темпом пойдет – то этот нежелательный стереотип ох как больно отзовется на нем. Ребенка нужно в других направлениях развивать – рисование, музыка, то да се. Для этого в Кузнецке у меня свои оригинальные возможности были, об этом как-нибудь пообщаемся в другой раз. Так что вряд ли я до школы умел читать, но это точно неведомо мне.

Во всяком уж случае, в число моих первых прочитанных изданий входили материалы по анатомии человека, причинах опасных болезней, предотвращению заболеваний, эпидемий и всего такого нехорошего в форме плакатов типа наглядных пособий для санитарно-эпидемиологического просвещения страны. Мама ведь до войны работала в медицине, затем санитарно-эпидемиологической была. Как известно, во время войны и в послевоенное время в связи с массовыми перемещениями людей и неустроенностью быта, худого питания, несчастий, горя, стрессов и прочих факторов, снижающих иммунитет, санитарно-просветительская и контрольно-наблюдательная функция добровольных санитарных дружин просто необходимой была. У мамы в Кузнецке что-то еще было на этот счет, и я прекрасно помню, сколь занимательными были те цветные наглядные пособия для меня. Одно из семейных преданий гласит: «К некоторой очень милой учительнице местной школы пришли подруги почаевничать и поболтать. Вдруг в комнату вбегают маленький мальчик и радостно кричит: – «Мама, мама! У меня есть сонная тетеря, вот тут!». Смутно помнится – это был я, но сам тот плакат с анатомией кровеносной системы на фоне скелета и мышц яснее помнится мне. Вывод из этого прост – этого мальчика просто скелетом не напугать, экая невидаль – ходит тут где-то скелет. Что-то серьезнее нужно, чтобы его испугать.

Но мы немножечко от темы отвлеклись. Как бы то ни было, еще в Кузнецке я начал охотно и с любопытством читать, а в селении Больше-Солдатском это просто в привычку вошло. При этом я достаточно быстро читал и удивлял этим сотрудниц детской районной библиотеки в селе. С самым невинным выражением лиц они спрашивали меня о содержании возвращаемых мною книг, а я, как наивно проверяемая овечка, с чувством, с толком, с расстановкой, с жестиком и т. п. охотно и в лицах все рассказывал им, совсем не догадываясь, в какие инстанции они на меня «настучат». Обнаружилось это внезапно вот так:

Однажды прекрасным солнечным зимним днем шли мы с мамой куда-то по нашим личным делам, а навстречу попался нам какой-то немолодой уже человек и манерами, и наружностью вылитый чеховский интеллигент. Таких людей теперь уже не встретить, а тогда попадались еще, и вот этот живой представитель исчезнувшего Серебряного века здоровается с матушкой как с доброй старинной знакомой, они говорят о каких-то школьных своих делах, и этот человек как бы кстати заговаривает и обо мне. Оказывается, моя читательская активность стала известной в РОНО и вызывает некоторое беспокойство у понимающих в этом деле людей, в частности, у него. Все хорошее хорошо только в меру, и чтение – тоже. Слава Богу, мальчик не просто глотает книги, он усваивает их. Это хорошо, но в таких количествах чтение книг все равно отвлекает от реального мира, приучает к иллюзиям вместо реальных оценок, и как бы в дальнейшем просто мечтателем в жизни наш дорогой библиофаг не стал.

Разумеется, я привожу здесь уже позднюю реконструкцию разговора, но лейтмотив я и тогда уловил. Мне понравилось новое для меня звучное слово «библиофаг», а степень и характер опасности я стал понимать только уже взрослым человеком, когда столкнулся с беспощадной реальностью лицом к лицу. Должность этого человека, даже если мама и называла

ее, пролетела мимо моих ушей. Едва ли он был учителем в единственной сельской школе, так как в этом случае я мог бы неоднократно видеть в школьных постройках его, и он не был бы мне, по моим впечатлениям, полностью незнаком. Сомнения нет – РОНО

Разумеется, никакие меры против любимого чтения не помогли, и я оставался библиофагом еще много лет. Теперь вот читаю мало – этому много причин.

Глава 4. Мечтатель и реалист

Был в моем классе один такой мальчик, который на окружающих очень приятное впечатление производил. И хотя я прекрасно помню его реальное имя, назовем его здесь Алексей. Был ли он на год-два старше других ребят – я не знаю, не помню уже. Правильное, аккуратное атлетическое телосложение сформировалось у него рано, на туповатого второгодника-двоечника он манерами никоим образом был не похож. Официальная успеваемость в школе, как явление в социуме вообще, уже не интересовала меня, и поэтому я просто не помню, какова была успеваемость у него. Он был «серьезный молодой человек», почти исчезнувший ныне как тип.

Жил он с матерью без отца, что было не редкость в те послевоенные времена. У них был свой маленький домик, довольно темноватый внутри, тесный двор, корова с теленком – вполне приличное хозяйство по понятиям нашего села. Он не просто «помогал мамочке по хозяйству» как я – он тянул все хозяйство как взрослый хозяин-мужик. Я бывал порою у них в доме, и мое впечатление сложилось именно таким. Мать его работала, я полагаю, не то в колхозе, не то в МТС и нахвалиться на мальчика не могла. Было это либо в то лето, когда мне было 12 лет, либо годом спустя. Я гулял по окрестностям, созерцая природу, людей, насекомых, растения, птиц, облака, прокручивая воображением вариации приключений из книг или а ля из книг, Алексей же в то лето подрядился водовозом обеспечивать водою колхозников на полях.

Поблизости от реки на ровном твердом травянистом пространстве был родник с очень вкусной водой, часть которой накапливалась в срубе колодца над родником, избыток же ручейком сбегал в речку вблизи. Алексей подъезжал с порожней бочкой на двуколке, вставал ногами на сруб, бросал в воду на длинной вожжине ведро. Зачерпывал, вытаскивал, аккуратно в бочку переливал и снова бросал ведро в тот сруб. Наполнив таким манером пузатую бочку, худощавый, достойно сложенный паренек отвязывал лошадь и ехал на полевой стан. Насколько я понимаю логистику колхозов среди бескрайних черноземных полей, поставив там полную бочку со свежей прекрасной водой, он перепрягал лошадку в пустую вчерашнюю бочку и обеспечивал подобным же образом другой полевой стан. Сколько же ездов делал он каждый день – увы, наш библиофаг, весьма внимательный к людям, болтая с ним у колодца о том и о сем, просто не догадался спросить, как не догадался спросить, сколько идет трудодней... или денег, если оформлено по МТС. И оформлено-то на кого. А когда Алексей со своею бочкою уехал, я занялся размышлением о том, почему это известняковые камушки в ручейке имеют прелестные зеленоватые, голубоватые и розоватые акварельные цвета, а вытасканные на воздух и обсыхая, приобретают все скучный сероватый цвет. Помнится, в те дни занимала меня еще одна тема. В чистейшем воздухе тамошних огородов, зарослей, лугов никак не укладывалось в голове совместное представление о воздухе как сплошном, прозрачном, ощущаемом телесно флюиде, с одной стороны, и представление о воздухе как о реальной «почти пустоте», с другой, так как относительные размеры молекул воздушных компонент и расстояний между ними соответствуют всего лишь нескольким мухам в комнате размерами довольно большой. Другими словами, если в зале летает сколько-то мух и мы смотрим туда, то картину на противоположной стене того зала мы видим сквозь зал или сквозь нескольких порознь витающих мух? Выходит так, что мы видим все это в природе вокруг нас не сквозь «воздух», как видим сквозь воду или стекло, но как бы сквозь «пустоту»? Это укладывалось, но с очень большим трудом. А то, что Алексей в это же время работал как взрослый, скользило поверхностно, не проникая сквозь эти барьеры вглубь. Вот вам и влияние книг, заполняющих душу, в которую уже не вмещается вместе с ними реальный мир.

Временами я сильно скучал, из ровесников не было с кем о многом мечтательно и умо- зрительно поговорить. Однажды пришла мне в голову мысль, как было бы хорошо, если бы все

люди на свете были такими, как я. Но тут же я сам развеял ее в пух и прах – ведь в этом случае застопорились, остановились бы все работы на нашей Земле. Жизнь людей – это не жизнь бестелесных героев, которым авторы готовы подсунуть в готовом, исправном виде все то, чего потребует сюжет. Я же не умею делать реального ничего, и если все мы станем именно такими, как я, то мир развалится довольно скоро от нашей лени и неумения работать так, как работает масса прилежных, умелых людей, знающих туго, конкретно миллионы практических дел. Однако и эти правильные мысли оставались умозрительной игрой, образ жизни и мыслей уже не рационализировал я никогда, и мечтателем оставался всегда. Алексея же помню всю жизнь в веренице тех по-человечески замечательных тружеников-мастеров, которым посвящены другие линии моих мемуаров, здесь же тема одна – нелюдим, и все эти хорошие люди в данную серию не войдут.

Глава 5. Мистика и материализм

С раннего детского возраста и практически по сию пору изредка снятся мне разнообразные удивительные сны, в которых реальные черты бытия причудливо и как бы ирреально сливаются с чувствами, коих в реальности нет. Словесный пересказ этих снов представляется мне невозможным прежде всего потому, что язык в основном состоит из слов, изначально возникших именно для коммуникации в сфере обыденных фактов, язык сохраняет эту основную функцию по сей день и до сих пор еще не выработал надежного словесно-грамматического аппарата для передачи субъективных переживаний во сне. В очень похожем положении находятся математики и физики, исследующие объективные свойства материи вне довольно расплывчатых, но все же известных рамок окружающего нас макромира, пророки религий, бесспорно слышавшие Бога, но тщетно пытавшиеся передать услышанное в проповеди на бытовом языке пастухов, да и поэты хотя б. В самом деле, читая иные бессмертные строки, можем ли мы быть уверены в том, что они продуцируют в нас именно те самые чувства, под влиянием которых явился в душе поэта именно этот стих, или они продуцируют в читателе хотя бы и возвышенные, но все же чувства иные, не те...

Возможно, когда-нибудь я займусь сочинением фантазий на темы запомненных снов, но мера вероятности этого очень и очень мала. Сейчас важно отметить здесь только то, что, во-первых, темы реального и нереального удачно сбалансированы в тех снах с убедительностью хороших произведений художественной литературы, а, во-вторых, иные из них оптимистичны, приятны, вселяют уверенность в себе и, как бы это сказать, содержат в себе благодать, другие содержат в себе сценографию успешной, хотя и суетной борьбы в миру с враждебными силами как сверхъестественными, так и мирскими, третьи (редкие, к счастью) являют собою тяжелый, жуткий кошмар, и, наконец, в своей совокупности все эти «вещие» сны значили для меня ничуть не меньше, чем книги, иллюзии или фантазии наяву. Изучая по школьному ходу лет историю Древних и Средних веков и дополняя ее художественной литературой, на основании собственных сновидений я отчетливо знал, из каких источников и корней росла идеология язычества и суеверий в те простые, безнаучные времена. В детстве я не мог еще ясно сформулировать эту мысль, и она существовала во мне в расплывчатой форме полуощущений и полупредставлений, если логику к ним привлекать. Дефиниции были затруднены, да и не с кем было бы мне в том нелепо атеистическом мире на эту тему болтать.

Помимо вещих снов, огромное значение для меня имел жуткий страх темноты, также посещавший меня. Боялся я тьмы не часто, но случалось, вполне ощутимо чудилась мне какая-то неясная, неопределенная, жуткая негативность даже в собственной хате, в знакомом окне, за печью, за шкафом во тьме. Иногда этот страх имел притягивающую силу, я осторожно выбирался из дома и убегал во тьму, гулял в лесополосе, в оврагах и возвращался, усталый и освеженный, домой. Такие случаи бывали со мною в несколько более позднем возрасте спустя пару лет, а в описываемый период в Больше-Солдатском я просто любил погулять поздно вечером или же в ночь. Такие прогулки приятно щекотали мне нервы своей непередаваемой остротой, в которой кроме мистического, зимою был еще и вполне материалистический страх – в иные зимы волки утаскивали дворовых собак и хозяева забирали их на ночь в «сенцы» зимой. Однажды на нашем огороде и в заросшем «яру» за ним я обнаружил в снегу натуральные волчьи следы. (Они определенными признаками конструктивно отличаются даже от самых крупных собачьих, и это было самое то.) Конечно, в возрасте 10—12 лет зимою я далеко по ночам не гулял. Однако окраина села тогда не освещалась, в маленьких хатках рано гасили свет, и уйти в снегу по кромке Барсучьего лога хотя бы немного в сторону от домов в глухую темень степи ради мистических ощущений – мальчику тех лет такое переживание запоминается надолго, если не навсегда.

Ради полноты этой картины нужно заметить, что я и сам научился вызывать в себе некий мистический страх найденными мною приемами, которые я рискну, не будучи в этой области специалистом, «приемами самовнушения» назвать. Страх получался несильным, однако по типу именно тот, и я никогда не доводил этот искусственно вызванный страх до слишком серьезной черты.

Когда же стихийные, самоявляющиеся страхи по-настоящему «доставали» меня, я искал спасения в вульгарной атеистической литературе, которой в то время было в библиотеках полно, а поскольку я и без того запоем читал научную фантастику, приключения и путешествия, не отказывая себе в удовольствии почитать на десерт серьезную научно-популярную литературу типа «занимательной астрономии» и т. п. (об этом сказано выше) то сотрудники нашей библиотеки находили естественным и мой спорадический интерес к литературе подобного сорта. Почитав что-нибудь насчет того, что «сверхъестественного» нет просто потому, что «естественное» из атомов состоит, я спокойно укладывался спать, а ночью из-за печи... и тогда я судорожно вспоминал спасительную аргументацию «материализма», но она рассыпалась в прах, притом именно логически она рассыпалась, потому как всякий раз в ней обнаруживался какой-нибудь скрытый опровергающий изъян. Действительно, например, из того, что атомы существуют, вовсе не следует невозможность специфических неатомарных структур, и эта невозможность следует примерно из тех же самых причин, по которым из существования положительных чисел вовсе не следует невозможность существования хотя бы одного отрицательного числа. Допустим, само привидение в своей конкретной кажущейся форме только «привиделось» нам, но причина-то не видимой формы, но самого привидения надвигается сейчас на меня... И получается так, что весь наш «брошюрочный» научно-популярный «атеизм» способен опровергнуть только конкретные представления людей о природе и действии потусторонних сил, в системе которых несведущие в естествознании люди прошлых веков представляли себе эти силы, но нет никакого опровержения по существу. Опровергается только старинная, архаичная, невежественная форма представлений о «сверхъестественных» факторах или силах, но не содержание таковых.

Предположим, к примеру, что некая ведьма в деревне лазает кошкой в чужой коровник и вытягивает из коров молоко. Ясно, что подобное представление о ведьмах может иметь только такой человек, активные, довлеющие знания которого об огромном, разноликом мире вокруг ограничены маленькой, отсталой от внешнего мира деревней, в которой люди знать не знают и ведать не ведают сложность реального мира, все эти «атомы», «электроны», «фотосинтезы», «кванты», «америки», «австралии», «океаны», «орбиты», «материки»..., а если и слышали что-то краем уха об этом, то не вдумывались в это глубоко. Существой на самом деле ведьмы, благодаря своим «сверхъестественным» способностям они наверняка получили бы доступ к таким возможностям организации своего быта, при которых не нужно бы было им воровать молоко у крестьянских коров. Придумали бы они что-нибудь поинтереснее вдалеке от грязноватых хлевов. Так что классические ведьмы действительно не существуют, а если и существуют, то не «ведьмы» они, что-то другое совсем, и на это «другое» опровержения нет. А вот «ОНО» уже рядом, вот здесь и тянется, тянется ближе и ближе ко мне, хочет меня достать... Я не умел тогда ясно выражать подобные мысли, но я отчетливо помню, что, замирая от ужаса, я именно в логике нелепой, поверхностной псевдоатеистической литературы свою опору терял. Но ведь эти идеи внушаются нам всей силой школы, прессы, агитации и пропаганды; партия, пионерия, комсомол – все на таких идеях стоит... Вот это и был очень сильный удар по моему доверию всей системе «взрослых людей», я просто не мог понять, как на подобных слабых идеях держится «взрослый» мир.

Стоит сказать, при каких обстоятельствах эти страхи исчезли сами собой. Стал я постарше, поопытнее, сильнее. Задумался я о «пришельцах», о возможности существования иных «высших форм отражения материи в ней самой» помимо нашей человеческой формы.

Само собой стали приходить мысли, а не есть ли всё это, так сказать, всего лишь неумелые, неуклюжие попытки установить «контакт» именно с «той» стороны. Невероятно, но вдруг?! Пошел я сам этим страхам навстречу, но они, подобно миражу, стали растворяться, стали исчезать и остались со временем лишь ностальгическим воспоминанием детства и подростковых лет. А вот удар, нанесенный ими официальной горе-идеологии нашей несчастной страны, остался со мной навсегда.

Что же касается формальной религии, то был я от этого очень и очень далек. Церковь в селении была разрушена до полного исчезновения даже своих руин очень давно до меня. Была старая-старая, серая от ветхости хата, и вроде бы тоже соломою крыта та серая хата была. Ничем, кроме отсутствия хозяйства и ограды-плетня, не выделялась она в общем ряду таких же убогих хат, разве что отсутствием нищенского быта вокруг, что придавало ее бедным стенам какую-то гордость, достоинство и простоту. Но это могло мне казаться апостериори из дальних краев и лет.

Над входом в простые деревенские сени небрежно прибит был из двух посеревших от старости реек простой покосившийся крест. Как местный житель, я знал, что время от времени приезжает священник «батюшка» и «служит» что-то такое здесь, но за несколько лет жизни в этом селении факта приезда священника я не видал никогда, и никогда не был в этом униженном храме внутри.

Родители мои были атеистами разума, суеверная компонента религии была им по духу чужда, но они никогда не позволяли ни детям, ни себе никакого неуважения к чувствам и убеждениям людей, то есть признавали религиозность души человеческой законным выбором этой личной души. Впервые в церковь привел меня в городе Курске отец, я чувствовал себя в ней неловко, я был там чужой и мне неудобно было смотреть на людей, открыто выражающих свои тайные духовные чувства в присутствии нас – любопытствующих со стороны. Тем более что был я тогда вполне искренним пионером и церковь была мне табу. Короче, был я тогда в Божьем храме смущен. В те годы я не знал за религией, кроме суеверия, ничего, лишь много лет спустя стал находить несуеверное содержание под слоем суеверий, а когда в первый раз переступил я порог храма Божьего ради мира в душе – я и не помню уже. Но было это в другие годы и от селения Больше-Солдатское далеко.

Глава 6. В шестом классе сельской школы

Возраст 6-го класса средней школы оказался переломным в некоторых важных отношениях для меня. В том году из-за тяжелой болезни матери я жил в районном селе Больше-Солдатском как бы полудин – мама лечилась в клиниках и санаториях других областей и заново училась в то время ходить, отец с другой своею семьей жил километров за 70 от меня, тетки обретались в трех разных городах, маленькую сестренку временно забрали до выздоровления матери в детдом... а присматривает за мною и кормит меня одна приятная простая семья: хозяин дома – мужчина трезвого поведения, работает кузнецом в МТС, хозяйка подрабатывает, возможно, в колхозе и на разных подспорьях через сельсовет, в семье толковые дети, есть и хозяйство приличной руки. (Я с искренней, многолетней благодарностью вспоминаю ту простую семью, и по другой линии мемуаров ей отдельная глава отведена.) Сами понимаете, для прощания с детством такие одиночные условия бы подошли.

Во-вторых, именно тогда накопленная энергия недоверия к миру взрослых людей стала заметно сказываться на мне. Факторов было множество, описал я не все – только то, что легко описать. Очень трудно, например, передать ощущения при виде ровных рядов проржавевшей, негодной сельскохозяйственной техники, хорошо видимых из школьного окна. Если она была когда-то годной, почему под открытым небом стоит? Если изношена законно, почему не свезли на металл? Колхозник обязан заработать в колхозе установленный минимум трудодней, иначе приусадебный участок от него заберут. А люди в трудодни не верят, лишний раз на работу идти не хотят, на участок себе наработали – ладно, горбатиться зря не пойдем. Вот бригады да звеньевые и ходят утром по дворам и гонят словами людей буквально как на барщину в колхоз... Постоянно идет кампания по ликвидации безграмотности на селе. (Моя мама – учительница и активистка, я вижу этот процесс.) За год столько-то бабок научили читать и писать, но мелкому служащему из сельсовета или района бабка сказывается неграмотной все равно – чтоб не заставили «лишнего» подписать. Стимул учиться в старших классах у деревенских ребят простой – колхозники паспортов не имеют или получают их с огромным организационным трудом и не могут поэтому надолго покинуть по собственной воле село. Окончившим же десятилетку паспорта выдаются как бы сами собой, и только тогда они становятся полноправными гражданами страны, в которой правит, как известно, «союз рабочих и крестьян». Поэтому и приходили в школу иные юноши и девушки ежедневно за семь километров из деревень, по черноземной осенне-весенней грязи, в которой по ступицы тонут колеса машин и телег, по снежным заносам зимой. По поводу всего этого и многого другого старшеклассники задавали порою горькие вопросы учителям – тем, кого любили, у кого не боялись спросить. Учителя отвечали, что и сами все видят, но ведь вы уже взрослые ребята и понимаете ведь, что на экзаменах придется вам отвечать не так, как видите вы нашу и вашу общую жизнь, но как положено видеть, как учим вас мы... А что еще могли ответить старшеклассникам в те годы любимые учителя?

Читающий эти строки должен иметь в виду, что мы имеем здесь не историческое исследование России, но чисто личные воспоминания человека, которому в том возрасте более приличествовало знать, кто и когда сочинил фантастический роман «Робур-завоеватель», чем точно помнить годы, когда при Хрущеве проходила ломка новокрепостного состояния советских колхозников-крестьян, когда милицейские власти стали выдавать общегражданские паспорта всем жителям страны, включая деревенских, когда вводили в колхозах прямую денежную оплату труда вместо сомнительных «трудодней», когда вводили пенсионное обеспечение по старости для крестьян... Эти конкретности были мне тогда не по возрасту и не по чину, я пишу здесь только об атмосфере, в которой жил и которая формировала меня. Атмосфера же эта создавалась разными факторами общественного бытия, например, официальное радио

в форме так называемой «радиотрансляции» не умолкало с 6-ти до 24-х часов по Москве, и оно не то чтобы не могло открыто сказать, оно намекнуть не могло на то, что Коммунистическая партия Советского Союза делает чивой-то не таво. Хошь ни хошь, но эфир заполняй, и по изгибам потоков пустословия можно было почувствовать, какие камни в политической тьме огибают они. С одного раза это не получится никогда, но день за днем, день за днем, день за днем... в конце концов почувствуешь неприятственный запах того, о чем «они» не вправе говорить. С другой стороны, я был не только начитанным, нервным и где-то болезненным ребенком – я был довольно общительным дитем, свободно общался с самыми различными людьми, разного возраста и положения в жизни, и даже как бы я нескромно подозреваю теперь, что не только просто «смотрел» на жизнь, но как бы и «видел» ее... Прекрасно помню, как именно в те годы, о коих идет здесь речь, будучи летом в Курске у тети Вали в гостях, бродил я по городу, рассматривая людей, представляя себе их образ жизни, занятия, как бы выстраивая по ним какую-либо повесть или роман. (Для равновесия должен заметить, что у тети Вали в гостях я не только изучением характеров и типажей населения занимался, но также протранжирил с непривычки в местном тире все свои карманные рубли и еще, отправившись с местными хлопцами на речку Тускарь погулять, ухитрился на каком-то промышленном пустыре влезть ногами в разлитую смолу, отчего тете Вале пришлось отмывать керосином не только меня, но также мою одежду и обувь всю. Так что не только философом, но в какой-то мере ребенком в те годы я тоже был.)

Итак, мы видим, что не только неумолчное радио и разнообразные книги формировали мой общественный кругозор, но и общение с разнообразными людьми, что придает моему кругозору некоторую насыщенность и полноту. Здесь же, на этих страницах, я стремлюсь всего лишь передать атмосферу, в которой жил, и подбираю не только те обстоятельства, которые видел, но и те, о которых слышал от людей. Поднимите подшивки газет «Правда», «Известия», «Труд», журналов «Коммунист», «Молодой Коммунист», «Блокнот Агитатора» и др. за те тоталитарные годы, вчитайтесь в них – и решайте, насколько точен здесь я, оценивая эпитетом «затхлая» общественно-политическую атмосферу в стране.

Я не знаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы я со всей своей библиоманией, с прелестным видением природы в целом и в мелочах, с волшебными снами, с мистическим страхом и прогулками по ночам, с доброжелательным отношением ко мне самых разных людей – нашел бы отклик и нишу в идеологии нашей страны. Но этого я не нашел, а постепенно копившееся ощущение, что «взрослые», все очень милые порознь, в целом, как система, делают что-то не то и не так и делают это как-то очень нехорошо – еще не будучи высказанным и определенным, это смутное ощущение привело в середине 6-го класса к тому, что я как-то резко и сразу потерял интерес к официальной общественной деятельности в школе, а членство в «совете пионерской дружины», которым наивно гордился я поначалу, представилось мне в свете тусклом, ненужном, чужом. По-прежнему я чувствовал себя как рыба в воде во всяких там тусовочных делах, во всяких драм- фил- физ- и прочего качества кружках, выпуске стенгазеты всем обществом со смехом, возней и спором – но в официальные «собрания», «президиумы» и «советы» с тех пор меня было не затащить, и это уже на всю жизнь.

Пожалуй, мой нелюдимский стаж именно с этого времени и следует нам считать. Несколько ярких примеров по этой теме в контекст не вошли – как и не все детали конструктора входят порою в модель. Если я не сумел объяснить здесь истоки моего нелюдимства – мне очень жаль. Я старался как мог и сделал как получилось. Нам же нужно теперь дальше по теме идти.

Замечу здесь вскользь, что за время моего отсутствия (около 60-лет) заметно похорошело село. По снимкам из космоса видно, что стало побольше оно, вроде бы новое широкое шоссе связало его со страной. По фотографиям в Яндекс-фотках видно: есть уже новая церковь, много новых хороших домов. Восстановлены руины самого приметного в архитектурном отношении здания, в которых играл я когда-то в составе ребятни и рядом с которым

выкапывал ножичком из земли блестящие пороховинки для «поджигных». На прежнем месте и сквер, в нем – братская могила солдат Великой Отечественной Войны. Сколько там было имен, на фасах постамента под памятником гипсовым, стандартным, простым... А ведь между тем массаракшем и моим приездом в село едва-то прошло десять лет – сущий пустяк с высоты теперешнего возраста моего. Так может быть, был я тогда со своим нелюдимством неправ, принял осложнения после тяжелейшей болезни страны за лейтмотив бытия? Сложная штука жизнь...

Глава 7. Юный техник

В классах 7,8,9 и 10-м учился я в трех разных школах двух разных городов. Все они были очень разные – и школы, и города, и все интересно по-своему на свой оригинальный манер. Однако наша тема узка, и по той же причине, по которой я не описываю в прошлой главе прекрасно поставленную и социально значимую художественную самодеятельность школы в Больше-Солдатском селе, я воздержусь от подробного описания этих населенных пунктов и школ, ограничусь их нумерацией 1-я, 2-я и 3-я школы (а школа в Больше-солдатском селе станет в этом ряду, так сказать, «нулевой»).) Иначе, во-первых, сочинение станет непомерно большим, а во-вторых, читателю будет трудно поверить в нелюдимость лирического героя, который столь активно участвует в драмкружках. Однако в этом и соль вопроса, что мое постепенное, шаг за шагом нараставшее отвращение ко всякому общественному делу в те годы коснулось только того, что пахло отвратительным запахом лицемерия в нашей стране, но не все же было так плохо у нас! Была масса интереснейших, умных, честных людей и дел, и тогда я еще не уклонялся от них. Та же художественная самодеятельность в Больше-Солдатской средней школе развивалась в зданиях, мало пригодных для школ, а школьный двор выходил на руины, которые я в прошлой главе упомянул. Сколько в школе было ребят в старших классах, потерявших отцов на войне, сколько в младших классах, потерявших теток и дядьев! А сколько в семьях было раненых и калек! И вот на школьном-то вечере при переполненном зале (многие родители пришли) школьная самодеятельность ставит отрывки из Шиллера и Гете на немецком, естественно, языке, и ей рукоплещет зал. Каково?! Разве можно пройти мимо этого и участия в этом не принимать?

Но с другой стороны, в том же самом достославном селе Больше-Солдатском местный партийный бугор, не то председатель райисполкома, не то секретарь райкома (не припомню точно сейчас) подъезжает на своей казенной «волге» к партийно-государственному крыльцу и обнаруживает сырую погоду вокруг. Водитель машины выходит и лакейским манером подстилает газетку ради того, чтобы районный вельможа мог ступить на крыльцо, не опачкав штиблет. Народ это видит и жизнерадостно шутит: – по правде ходит хозяин-то наш, по «Правде»... В те же годы происходит заметное имущественное расслоение колхозов – некоторые из них вполне приличны, и колхозникам в них хорошо, другие неуклонно скатываются в нищету. Мой отец – специалист сельского хозяйства, работал на низовке в этом деле всю свою жизнь и заслужил на этом кучу трудовых правительственных наград. При редких наших встречах в ответ на мои вопросы он с горечью объясняет причины расслоения подробно, одна из важнейших причин – явно неправильный, неравно-стоимостной порядок приема обязательных госзакупок от «социалистических коллективных хозяйств», то бишь «колхозов», установленный партийно-государственным руководством страны, а радио как будто ничего не замечает и бу-бу-бу. Даже самый маленький ежик в Кочегурском лесу почувал бы, заподозрил бы какую-то связь между несовершенным порядком госзакупок в стране и важным, неприступным обликом партийного бугра. Копаться в этом мне не хотелось, и я с непосредственностью подростка просто отворачивался от этого ото всего. «Бороться» с этим тоже не хотелось – так как бороться с «этим» – значит копаться в нем. Так что душа сама поворачивалась к этому спиной и уходила в оставшийся, великолепный и часто воображаемый мир. Так что противоречия в этом нет – можно и «политику» не любить, и общительным быть в одно и то же время, сохраняя цельность характера и души.

Главное здание первой из означенных выше школ наполовину лежало в руинах после войны. Занятия велись в уцелевшем крыле, остальные части здания строители восстанавливали уже при мне. Вскоре после моего прибытия в школу педагоги устроили субботник – совместным «коммунистическим» трудом школьники старших классов должны были расчистить

и выровнять там некий разбитый машинами проезд. Я успел подойти туда, когда работа уже кипела вовсю, сыскал свободную лопату и пристроился с краешку к ряду наших ребят, стараясь интенсивностью усилий скрасить неблагоприятное впечатление от опоздания в строй. К моему удивлению, я был встречен ухмылками и непонятными шутками ближайших ко мне ребят и ядовитыми окриками тех, кто подальше стоял. Оказалось, весь фронт работ был поделен педагогами на участки по классам, который класс раньше свою работу закончит – тот раньше домой и уйдет. Напрасно я апеллировал к волшебной прелести свободного труда при коммунизме – точка зрения распорядителей этого «мероприятия» оказалось иной. Я продолжил «свободный коммунистический труд» на участке своей «бригады», но радости от субботника не получил.

Далее все продолжалось примерно в таком же ключе. Самодеятельность в школе оказалась без иностранного языка, и первую же свою русскоязычную роль я блистательно провалил. Я должен был сыграть растерянного интеллигента в водовороте революционных дней. Я должен был рассеянно выйти на сцену, остановиться над героем-красногвардейцем, раненым в страшном бою за светлое будущее всего рабочего мира и бросить в пространство какую-то реплику, вроде того: «О времена! О нравы!» Затем должны были подбежать другие герои, и дело бы дальше пошло. На репетициях все шло как надо, но выйдя на сцену, я вдруг подумал, что образ заблудшего интеллигента как бы недостаточно достоверен в игре, ранее отрепетированной мной. Этот старорежимный интеллигент наверняка был верующим человеком. В такой момент экспромт рождается мгновенно, любой артист ответит: «Это да!». Долго не думая, я вышел в нужную точку, посмотрел на лежавшего «красногвардейца» (так и подмывает написать – который рожи там строил мне; но это неправда, он старательно скромно лежал) и... крестным знаменем я себя осенил! Хохот в зале взорвался невероятный. Это был гомерический массовый хохот, сыпался мел с потолка. Ну и что? Комики в нашем репертуаре были не нужны, и в дальнейшем меня ограничили (даже в «Борисе Годунове»!) работой над реквизитом, чему я тоже очень был рад.

Вследствие особого стечения обстоятельств, которые подлежат подробному рассмотрению в других линиях моих воспоминаний, во всех этих школах были, правда, в малом числе, детки из особых семей. Например, в той первой школе училась девочка, дядя которой работал в аппарате ЦК. Она была уверена в том, что Никита Сергеевич Хрущев вовсе не так уж и глуп, как о нем говорят. Он действительно хочет блага стране, но его ненавидит большинство в тех высоких кругах и оно, это консервативное большинство, преднамеренно доводит до дури любую его позитивную мысль. Если бы все наверху были такими, как ее дядя, то кукурузу не сеяли бы по всей стране, но только там, где она по науке нужна. Но таких там немного, и Хрущев одинок.

В других школах были, например, сын одного западноевропейского социал-демократа, с оружием в руках пытавшегося остановить коричневую чуму на баррикадах и после военно-полицейского поражения бежавший в нашу страну еще до Великой Войны. Он воевал добровольцем уже на нашей Великой Отечественной Войне, был ранен и остался у нас. Был также мальчик из Азии, отец которого сложил свою честную голову в боях против американского империализма на Дальнем Востоке уже после Второй мировой войны, но семью заблаговременно отправил в Советский Союз. Были и другие ребята и девочки, общение с которыми заметно расширяло кругозор. Были и просто спортсмены – очень интересные парни, они находили возможность для тренировок даже в свободные дни. Директор одной из школ был в свое время переводчиком в Индонезии и на официальной основе рассказывал школьникам (притом не только «активу») много интересного, вполне лояльного официальной идеологии, но в газетах не принято было об этом писать. В общем, в школах было интересно, но только не на уроках и не на разных «собраниях» тоже, поэтому вернемся в школу №1, в которой я так неудачно дебютировал сначала с лопатой, затем на сцене в интеллигентных очках.

Как известно, количество способно в качество переходить. В моем случае это заметно произошло в 7-м классе, когда суммарная начитанность прошлых лет дала очень вредный эффект – на фоне менее начитанных детей я мог почти не учиться совсем, в крайнем случае как-нибудь выкручивался за счет богатства словарного запаса и разнообразия форм выражения мысли на правильном языке, а сами по себе «положительные» отметки уже не интересовали меня, так как прогрессировало равнодушие к «системе» в целом и появилась даже некая, что ли, бравада, родственная браваде озорной ребятни. Есть особый шик в том, чтобы «тайно» в школе курить, но так, чтобы тайной курения как бы хвастаться всем. Я, естественно, не курил, это мелко по масштабам моим, мой собственный шик заключался лишь в том, чтобы вести себя безупречно и, не зная урока, на глазах всего класса с блеском на тройку (а случалось, на «пять») выкручиваться у доски, презирая при этом и «отличников», и «хорошистов», причем почему-то последних я особенно невзлюбил. Больше всего мне не нравилось то, что и отличников, и хорошистов педагоги затягивают в «актив», сначала в пионерии, потом в комсомоле, а этого я не хотел. Учителя почему-то меня не понимали и однажды был случай такой: меня предупредили, чтобы я обязательно на общем собрании был, так как меня будут в президиум «выдвигать». Совсем не придти – это было бы слишком, поэтому я «опоздал» и со злорадным удовольствием созерцал из дальнего угла «отличников и хорошистов», томящихся на сцене за длинным столом.

Учителя настолько не понимали меня, что в первой школе на общем годовом построении я был награжден значком «Юный техник» по итогам года за 7-й класс. Это было полной неожиданностью для меня, но на построениях возражения бесполезны, и на попытки сопротивления я получил ответ от завуча школы такой, что сегодня де слишком сумбурный день, и она приглашает меня на чашечку чаю назавтра к себе домой. Спокойно и поговорим.

Квартира завуча была от школы недалеко. Шел я туда в боевом настроении, но потерял весь пыл, только туда войдя. Вся небольшая квартирка была заполнена правильными деревянными стеллажами абсолютно библиотечной добротности и вида, на стеллажах плотными ровными рядами стояли полные собрания сочинений одно новее другого, и ни единой закладочки не торчало из них. Я сразу подумал, читала ли их она. Этот вопрос мучил меня во время всей церемонии за чайным столом, а с таким вопросом в башке ни один дипломат успешно политику не проведет. Я пытался объяснить своей визави, что в нашей школе имеется прекрасная механическая мастерская для уроков труда, и некоторые ученики старших классов чинят в ней мотоциклы, я же от этих умений бесконечно далек и считаю тех мастеровитых учеников более достойными кандидатами на получение такого значка. Завуч, весьма уважаемая полная дама предпенсионных педагогических лет, заботилась о моем чае, расспрашивала о родителях, о семье, а по существу вопроса отвечала, что насчет ремонта мотоциклов она подробностей не знает, зато ей давно доподлинно известно, что только один мальчик в школе делал в той мастерской приборы для физического кабинета в дополнение к тем, что там есть. Я объяснял, что приборы мои не работали и не в счет. Завуч возражала в том смысле, что представил меня к награде учитель физики на педсовете, а он считает, что для усвоения физических законов намного полезнее понять, почему не работает самодельный прибор, нежели отбарабанивать по учебнику как попугай, отчего работает прибор фабричный. Она же, как гуманный, не вправе оспаривать мнение специалиста на этот счет. Значка «Юный физик» нет, нашли подходящий этот, по смыслу ближе всего... Короче, битву титанов я проиграл, и остался злополучный значок у меня. Я его не носил – было стыдно, а впоследствии он затерялся в переездах по огромной стране. Этой потери мне жаль – очень хороший значок.

Но как бы то ни было, доверие ко «взрослому миру» получило еще один ощутимый удар и процесс отчуждения от интересов и действий старшего поколения в нашей стране продолжался своим чередом.

Глава 8. Те же и НВП

Когда я учился в 7-м классе, по всей стране был большой переполох по причине усиления трудового воспитания в школах. Государство никак не могло разобраться в различии между классическими гимназиями и так называемыми «реальными» училищами царских времен и пыталось втиснуть в советскую среднюю школу и то и другое зараз, но в результате, как водится, ни того ни другого оно получить не смогло. Однако в нашей школе был гениальный директор и талантливый педагогический коллектив, отчего удалось организовать при школе несколько небольших, но хорошо оборудованных разнопрофильных мастерских, в коих с большим удовольствием околачивались многие ученики, и ваш смиренный повествователь лично бывал среди них. Ни разу не был я только кабинете домоводства для девочек, а в швейную мастерскую для тех же девочек я с каким-то техническим поручением как-то раз заглянул и был очень смущен любезнейшим приемом почтеннейшей начальницы-портнихи и оравы девиц. Впрочем, возможно, что «кабинета домоводства» и не было вовсе там, только швейная мастерская была, а также и единственность посещения я под присягой показать не смогу. Навскидку вспомнилось, будто бы раз, а столько десятилетий прошло. Как там у Грибоедова-то нашего про Молчалина говорили: «...шел в комнату, попал в другую...». Будем считать условно, что заходил только раз.

Девочки вполне серьезно не только «учились», но и реально научались там шить. В школе была традиция – в официальных случаях все девочки присутствуют в стандартной школьной форме, а на неофициальные школьные «вечера» старшеклассницы надевают то, что сшили сами в той мастерской для себя, со свободным выбором ткани, с подбором фасона к лицу – вот это был там цветник! К моему удивлению, в двух последующих школах и тени не было такого педагогического ума – девочки шить не умели, одевались из магазинов, очень скучных в те времена.

В старших же классах, в 9-м или в 10-м уже, был один ученик вполне добротной комплекции и приличных для юноши сил. Он вполне осознанно выбрал себе по жизни профессию портного и был единственным мальчиком в школе, занимавшимся в той мастерской серьезным обучением вполне профессиональному шитью. Там он занимался, естественно, в компании девиц, все остальное время так же естественно проводил в компании ребят, и в звериной иерархии подростков его статус был очень высок. Сочетание добротного статуса с девичьей мастерской я долго не мог понять и однажды в школьном коридоре стал издеваться над ним – будучи мальчиком хотя и длинноватым, но семиклассником всего лишь в тот год, по возрасту нескладным и по медсправкам официально «больным». Некоторые ребята стали меня урезонивать, другие с любопытством смотрели спектакль. Как и многие сильные люди, портняжка был флегматичен и миролюбив. Сначала он тоже был удивлен моими насмешками и пытался словесно меня успокоить, затем перешел к угрозам, но это не помогло. Его раздражение нарастало, он подошел ко мне... Что ж, апперкот – это хорошая штука, сразу вправляет мозги. Когда все вокруг перестало кружиться, в башке же – звенеть и я пришел в себя, я уже твердо знал, что настоящий мужчина может заниматься чем угодно – и даже учиться шитью в гареме прекрасных девиц.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.